

Глава 10. Присутствие против плательщика: границы произвола

В предыдущей главе мы видели, что плательщики как группа оказывались более или менее защищены от произвола податных чиновников. При этом интересы группы выражают шесть (как максимум) человек, заседающих в компании податного инспектора. И это – малая часть всех плательщиков, один на сотню. Как быть, если нарушены интересы одного из оставшихся девяносто девяти? Для рассмотрения этого вопроса у нас есть исключительный материал – история не просто плательщика, но такого плательщика, который имел силу и желание постоять за себя.

Купец в союзе с будущим премьер-министром

Григорий Ильич Фуксман – сын купца и сам купец, владелец пароходства, винокуренного и конного заводов, и заодно – первой (и до 1914 года – единственной в Томске) паровой мельницы. В пятиэтажном здании мельницы действовала современная 200-сильная машина и 80 рабочих. Не чета базарным лавочникам, Г.И. Фуксман мог себе позволить иметь хороших управляющих, оставлявших на его долю лишь общее руководство семейным делом. Григорий Ильич не гнался за новшествами. По традиции выкупал первогильдейское свидетельство, что после реформы 1898 г. уже не было необходимо крупному предпринимателю. По старинке вёл дело на собственный капитал и под личную ответственность, не пользуясь частой для начала XX в. практикой превращения единоличной фирмы в акционерную компанию. Не входя в высший круг сибирских воротил-миллионеров, будучи далёк от элиты российского предпринимательства, Фуксман был известен среди предпринимателей и чиновников одного из крупнейших административных и торгово-промышленных центров всей Сибири.

Один из наёмных работников Г.И. Фуксмана – известный в годы первой российской революции деятель сибирских эсеров, сибирский областник, в будущем – знаменитый председатель колчаковского правительства, юрист по образованию и присяжный поверенный по роду службы Пётр Васильевич Вологодский. В бумагах Томской казённой палаты сохранилась копия доверенности Г.И. Фуксмана, посредством которой купец поручает присяжному поверенному «принять на себя труд по ведению во всех судебных и административных учреждениях всех без изъятия гражданских и уголовных дел моих». Полный перечень связанных с этим полномочий превышает два десятка строк и подытоживается так: «Одним словом по всем делам моим можете действовать от моего имени по Вашему усмотрению, охраняя мои интересы»²⁴⁵.

---

²⁴⁵ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 548. Л. 117.

Доверенность выполнена на типографском бланке, в котором пропущены отдельные слова и окончания слов (так, чтобы можно было оформить документ и от одного доверителя, и от нескольких), но уже впечатаны фамилия, имя и отчество адвоката. Значит, заключение договоров о юридическом обслуживании было для П.В. Вологодского делом обычным. Г.И. Фуксман не являлся для него единственным источником дохода. Тем не менее, дела своего доверителя будущий премьер-министр вёл тщательно, интерес мукомольного предприятия отстаивал настойчиво и создал массу неприятностей для чиновников Минфина.

Непосредственный толчок спору дало решение 2-го Томского раскладочного присутствия. Рассмотрев поданные предпринимателями налоговые декларации, оно 19 июня 1913 г. обнародовало суммы, подлежащие уплате за 1912 г.

Чтобы было понятно дальнейшее, надо сказать о методе работы раскладочного присутствия. Проверяя все поданные в начале года «заявления» предпринимателей об оборотах и прибылях года минувшего, члены присутствия принимали показанную купцом сумму или вменяли «более правильную». Затем умножали её на процент «нормальной прибыльности» по данной отрасли (установленный присутствием же и утверждённый казённой палатой). Так вычислялся размер облагаемой прибыли. Промысловый налог – не то, что подоходный: если плательщик не мог безусловно доказать свою правоту, ему приходилось платить налог со всего вменённого ему дохода.

Был только один надёжный способ избежать невыгодной предпринимателю ошибки со стороны присутствия: обзавестись грамотным бухгалтером. Правильные бухгалтерские книги были редкостью среди «неотчётных» (не акционерных) предприятий. Не в каждом уезде на сотню плательщиков приходился хотя бы один обладатель передовой отчётности. В начале века не вели книг и Фуксманы, но столкнувшись с требованием податного инспектора, быстро перестроились²⁴⁶. По всей видимости, на протяжении ряда лет их книги не вызвали нареканий, и прибыль фирмы определялась в соответствии с декларациями. Однако в 1913 г. присутствие приняло заявленный по мельнице оборот (1160 тыс. руб. за 1912 г.), а прибыль начислило вчетверо против заявленной (не 61304, а 232080 руб.). У Фуксмана и его помощников оставался месяц на подачу возражения.

---

²⁴⁶ В 1901 г. представитель фирмы простодушно пояснил инспектору, что книги за весь минувший год составлены специально для подачи в присутствие, причём незадолго до этого события – то есть, с точки зрения правильной бухгалтерии, подделаны. Это стало достаточным основанием для их отклонения. См.: ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 56. Л. 56–56 об.

*Эшелонированная оборона:
от раскладочного присутствия до министра*

Первый из сохранившихся в деле ответных документов за подписью П.В. Вологодского – его обращение в Томскую казённую палату от 27 июня с просьбой выдать выписку из журналов 2-го Томского раскладочного присутствия «с указанием данных, коими Раскладочное Присутствие руководствовалось при проектировании процента средней прибыльности в 1912 и 1913 годы²⁴⁷ по группе мельничных предприятий» и выписку из журналов общего присутствия казённой палаты, касающихся утверждения этого процента²⁴⁸. Очевидно, присяжный поверенный чётко представлял себе механизм работы учреждений, ведающих промысловый налог.

Однако казённая палата прикрылась законом и инструкцией, которые «не возлагают на податные учреждения обязанности открывать отдельным плательщикам те основания, по которым утвержден тот или иной процент средней прибыльности <...> и не дают плательщикам права возражать против установленного размера этих процентов». Чтобы закрыть вопрос наверняка, палата сослалась даже на решения высшего арбитражного органа страны – Сената, прямо подтверждающие невозможность обжалования «нормальной прибыльности»²⁴⁹.

Ответ палаты был отправлен 16 июля – за три дня до истечения срока подачи жалоб на раскладку. Но Вологодский успел: 19 июля томское раскладочное присутствие зарегистрировало полученное от него 7-страничное официальное возражение, полное цифр и не лишённое риторической отделки²⁵⁰. Оно открывается доводами Вологодского против соображений присутствия об изъянах бухгалтерских книг предприятия. Часть соображений (о том, что не показан состав чистого капитала на начало и конец года) он назвал недоразумением (перечислив необходимые статьи баланса); ещё в одном случае – со ссылкой, в свою очередь, на сенатское решение – доказывал, что указанная неточность «не может служить основанием для опорочения торговых книг».

Не ограничиваясь обороной, Вологодский атаковал противника: приведя точные ссылки, он напомнил, что инструкция о применении Положения о промысловом налоге требует для установления «нормальной прибыльности» обследовать хотя бы несколько предприятий в каждой группе. Между тем, мельница Фуксмана в своей группе по данному участку была единственной. Кому, как не Вологодскому, было знать, что на мельницу инспектор не заходил – значит, ни одно предприятие группы не обследовано, инструкция нарушена.

---

²⁴⁷ Имеется в виду деятельность присутствия в 1912 и 1913 гг. – по определению прибыли, соответственно, за 1911 и 1912 гг.

²⁴⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 16.

²⁴⁹ Там же. Л. 20 об.–21.

²⁵⁰ Там же. Л. 136–139.

Помимо формальных доводов, Вологодский обращал внимание чиновников и на экономическую обстановку. Пока палата тянула с ответом на его первый запрос, он успел застаться справками о хлебных ценах 1911–1912 гг. от Томской товарной биржи (цены на крупчатку и отруби) и биржи в Новониколаевске (цены на пшеницу). Простыми подсчётами на основе этих цифр Вологодский доказывал, что разница между ценой покупки поставленного на мельницу зерна и ценой продажи муки, которую из этого количества зерна можно получить – то есть валовой доход – едва покрывает сумму чистой прибыли, вменённой присутствием. На этом основании он требовал если не признать книги, то хотя бы в несколько раз уменьшить процент «нормальной прибыльности».

Присутствие уважило обстоятельность Вологодского и подготовило на редкость подробный ответ²⁵¹. К стандартному бланку журнала заседаний по рассмотрению возражений плательщиков на раскладку (где на «мотивированное заключение» присутствия отводилось менее половины страницы) пришлось добавлять четырёхстраничный вкладьш. Повторив старые претензии к несоблюдению обязательных бухгалтерских форм, присутствие выдвинуло и новые. Сокращение чистого капитала в течение года на 260 тыс. руб., указанное в возражении П.В. Вологодского, при заявленной чистой прибыли в 61 тыс. присутствие назвало внутренним противоречием, свидетельствующим о запутанности счетов предприятия. Уточняя былую претензию по расходу, не относящемуся к мельнице, присутствие пояснило, что этот расход был указан лишь в виде примера. На самом же деле таких расходов довольно много, а ещё больше расходов, точное назначение которых не указано. «Таким образом, – указывало присутствие, – отчетность ведется не только по мельнице, но совместно с нею по всему имуществу владельца мельницы Г. Фуксмана и по лавке его отца И. Фуксмана, а это обстоятельство, как неоднократно разъяснял Правит[ельствующий] Сенат, делает книги неприемлемыми для определения по ним прибыли».

Решения участкового присутствия по таким делам подлежали утверждению казённой палаты. Решение по делу Вологодского общее присутствие палаты, при участии выборных от плательщиков, утвердило 26 августа 1913 г. Доводы присутствия, очевидно, показались ему бесспорными, и оно повторило их уже от своего имени, лишь в более чётком изложении²⁵².

Таким образом, возражение Вологодского постигла обычная судьба возражений на раскладку. Податные присутствия нечасто признавали свои ошибки, ещё реже палата бралась исправлять действия своих подчинённых. Доверенный Фуксмана не был единственным, чью жалобу отклонили в тот

---

²⁵¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 147–150.

²⁵² Там же. Л. 151–151 об.

год во 2-м томском присутствии. Но только он продолжил борьбу за пределами губернии.

18 июля 1913 г. Вологодский подал в Томскую казённую палату жалобу на имя министра финансов ²⁵³. Этот документ (копию которого палата сохранила для себя) проявляет политическую расчётливость его автора. Не отвлекая министра бухгалтерскими подробностями, он целиком сосредоточивается на прегрешении его подчинённых против министерской инструкции. «Не подлежит сомнению, что если бы указанное в п. 3 § 78 Инструкции обследование было бы произведено, Присутствие само убедилось бы, на основании неоспоримых документальных данных, имеющих в счетоводстве предприятия моего доверителя, что действительная прибыль Ильинской мельницы моего доверителя в 1912 и 1913 г.г. не превышает 5–6 % и ни в коем случае подобное предприятие не может дать чисто фантастического размера прибыльности в 20 %». Инспектору достаточно было прийти и взять неоспоримые документы, а он не пришёл и не взял, – такова, коротко говоря, главная мысль жалобы.

Показательно сопоставление дат документов. Едва получив отказное решение палаты (от 16 июля) по своей просьбе насчёт справки о методах определения нормальной прибыльности, Вологодский первым делом принимается не за возражение на раскладку (с его «горящим» крайним сроком подачи), а за жалобу министру, которую и подаёт 18 июля. По-видимому, из ответа палаты он уже понял, что на уровне губернии шансов на успех нет. Не исключено, что он даже специально отложил подачу возражения на раскладку до самого последнего дня (19 июля), чтобы отсрочить решение палаты по своему возражению. Как ни мал срок в один день, всё-таки это увеличивало шансы на то, что в палату успеет поступить министерский нагоняй, и это заставит нерадивых исполнителей более чутко подойти к интересам Фуксмана.

Инструкция действительно была нарушена. Уже в декабре, при подведении итогов раскладочной кампании ²⁵⁴, палата мягко поставит на вид инспектору, что упрёки Вологодского «действительно не опровергаются в полной мере данными раскладочного производства». Но перед лицом общего противника дух корпоративной солидарности у руководителей министерства оказался сильнее, чем раздражение неисполнительностью местных чиновников. Ответ из столицы, подготовленный на основе справки из Томска, был не в пользу сибирского мукомола.

Но не так важен сам ответ, как история его подготовки. Сопоставляя отношение податного инспектора в палату, доклад палаты в министерство и министерский ответ заявителю, мы можем увидеть скрытую до сих пор пружину разгоревшегося в Томске противоборства.

---

²⁵³ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. Л. 220–221.

²⁵⁴ Там же. Л. 233–234.

«Нормальная прибыльность» и ненормальный 1911-й год

Инспектор, по требованию палаты отвечая на претензию Вологодского, начал излагать историю с 1912 г.²⁵⁵ Невыполнение в том году злополучного пункта инструкции он объяснил недавним вступлением в должность, в то же время настаивая на своей правоте по существу дела. Инспектор сообщил, что по бухгалтерским книгам, представленным Г.И. Фуксманом в 1912 г., оборот мельницы за 1911 г. составил 776,6 тыс. руб. «По сведениям Членов Присутствия» эта цифра была заниженной; книги (неверно оформленные) признали негодными, Фуксману вменили оборот в 1200 тыс. Почти точное совпадение этой цифры с тем, что сам Фуксман заявил в следующем, 1913-м, году (1160 тыс.), инспектор с воодушевлением выставил на вид как подтверждение оценки присутствия. Ко времени раскладки 1913 г. инспектор уже успел запастись сведениями об основных статьях дохода и расхода мельницы Фуксмана, по которым и вывел прибыль в 20 %. О способах сбора этих сведений инспектор умолчал, но подчеркнул, что цифры были одобрены членами присутствия. Последние ещё и добавили, что «на рынке крупчатка г. Фуксмана (и Горохова) на 25 коп. за куль дороже крупчатки других мукомолов» – значит, при расчёте дохода Фуксмана надо учитывать не среднюю рыночную цену муки, а повышенную.

Забегая вперёд, стоит сказать здесь, что на уровне губернии (в общем присутствии казённой палаты) представители плательщиков выявили ещё одно враждебное Фуксману обстоятельство, не замеченное инспектором. Лавка для продажи муки Ильинской мельницы на базаре, впервые оформленная на имя Г.И. Фуксмана, была ошибочно отнесена инспектором к числу «первогодных» (в первый год действия предприятия не подлежат дополнительному раскладочному сбору). На деле она лишь перешла от отца к сыну и по закону подлежала обложению на общих основаниях²⁵⁶. Очевидно, чувство солидарности плательщиков в деле Фуксмана оказалось слабее чувства конкуренции.

Итак, если отбросить риторiku, доводы инспектора сводятся к поддержке определённых им цифр представителями плательщиков. То ли не утруждая себя переписыванием подробностей, то ли не придавая им первостепенного значения, палата переслала подлинник инспекторского ответа в столичный департамент, от себя же добавила дополнительные обстоятельства.

Пространными цитатами из журналов 2-го и 3-го Томских раскладочных присутствий палата показала, что в 1912 г. они повысили процент «нормальной прибыльности» мукомолов с 10–15 до 20 по одной и той же причине – «ввиду того, что, заготовив на 1911 г. зерно по дешёвой покупной цене, эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)». Неурожай 1911 года поставил Западную Сибирь слишком близко к катастрофе, чрезвычайные

²⁵⁵ Там же. Л. 222–223.

²⁵⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 233–234.

действия государства и общества по предотвращению голода отняли слишком много сил и денег, чтобы современники могли простить кому-либо наживу на этой беде (действительную или кажущуюся).

Попутно здесь отметим разницу в изображении раскладки 1912 г. противоборствующими сторонами. Вологодский, излагая свои обиды министру, так описывал события: «Раскладочное Присутствие в 1912 и 1913 г.г., забрав торговые книги моего доверителя по сомнительным основаниям, установило в 1912 году оборот его мельницы в 1.200.000 руб., а прибыль в 360.000 руб., уменьшенную впоследствии Казённой палатой до 240.000 вместо значащихся²⁵⁷ по книгам сумм в 776.621 руб. и 51.626 руб., а в 1913 году приняло оборот по книгам в 1.160.400 руб., а прибыль определила из означенного процента в 232.080 руб. вместо значащейся по книгам в 61.314 руб.»²⁵⁸. В изображении Вологодского противостояния 1912 г. было настолько острым, что казённой палате пришлось урезонивать присутствие, пытавшееся назначить мукомолам «нормальную прибыльность» вовсе небывалую – 30 %.

Со своей стороны, и инспектор, и палата излагают дело проще: инспектор (на основе приводимого им расчёта) предложил 20 %, раскладочное присутствие эту цифру утвердило, палата одобрила. Едва ли и инспектору, и палате имело смысл скрывать спор (причём скрывать не умолчанием, а прямым обманом, который легче раскрыть), если бы он имел место. По всей видимости, утверждение Вологодского о попытке вменить Ильинской мельнице 30-процентную прибыльность было отголоском предварительных обсуждений или слухов (в условиях секретности журналов присутствия). Но и в этом случае ясно, что основной накал противостояния пришёлся на первую половину 1912 г., когда тяжкие впечатления от неурожая ещё не стали историей.

Составленный казённой палатой документ лёг в основу министерского ответа от 17 октября 1913 г., который подписали товарищ министра Н.Н. Покровский и директор Департамента окладных сборов А.А. Вишняков²⁵⁹. Оставив в стороне столь ценную для Вологодского инструкцию, автор документа напомнил, что постановления казённой палаты по вопросу о средних процентах прибыльности групп предприятий не подлежат обжалованию со стороны плательщиков. Но ключевой довод сотрудники Минфина заимствовали у Томской казённой палаты. Министерская формулировка ставит действия мукомолов в условиях неурожая в прямую связь с отказным решением: «Я не нахожу в действиях податных учреждений указываемых просителем неправильностей, так как повышение процентов средней прибыльности <...> по паровым крупчатно-мельничным предприятиям, расположенным в г. Томске и близких его окрестностях и сосредоточенным в руках крупных капиталистов,

---

²⁵⁷ В документе – «значащейся».

²⁵⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 220 об.–221.

²⁵⁹ Там же. Л. 227–227 об.

последовало <...> ввиду того, что эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)»²⁶⁰.

Явные доводы и подстудные намёки

Итак, чиновники и «коллеги» позавидовали мукомолам из-за роста цен на муку после западносибирского неурожая 1911 г. Однако логика чиновников содержит существенный изъян. Если сверхприбыль 1911 г. была следствием использования мукомолами дешёвых докризисных запасов зерна, то почему в 1912 г. условия их работы были признаны «неизменившимися»? Инспектор, говоря о прибыли 1912 г., подтверждает её расчётом, в котором сопоставляются цена зерна, производственные расходы мельницы, выход муки из зерна, цена муки, объём производства Фуксмана. Даже если все цифры инспектора верны (хотя они ничем не доказаны), всё-таки речь идёт о регулярной прибыли мельницы. В 1912 г. мельница явно не могла пользоваться ещё докризисным зерном (урожая 1909 г.), и значит, прибыль 1912 г. – это прибыль от продажи дорогой муки, полученной из дорогого зерна. Если действительно регулярная прибыль мельничного дела составляла 20 %, то сверхприбыль 1911 г. должна была составлять существенно большую величину. Утверждения о сверхприбыли 1911 г. и о «неизменившихся условиях» 1912 г. взаимно противоречивы. По всей видимости, этот явный логический изъян маскирует наличие других соображений.

Очевидно, именно в этом смысле следует рассматривать оговорку про «крупных капиталистов», из доклада казённой палаты перекочевавшую в министерский ответ. Ясно, что это намёк на монополизацию рынка и злонамеренное завышение цен для собственной наживы в ущерб народному интересу. В докладе казённой палаты этот намёк расшифровывался прямо: «Диктуя цены самовольно, мельники не теряют ничего в случае вздорожания продуктов. Так, были даже случаи повышения продажных цен до 50 %»²⁶¹.

Наконец, обратим внимание на то, как постепенно выходил на первый план довод о завышенных ценах 1911 года. Цитаты из журналов раскладочных присутствий ясно показывают, что довод этот идёт снизу, от первой инстанции. Тем не менее, в том ответе, который председатель раскладочного присутствия отсылает Палате, о неурожая не упоминается вообще. Казённая палата выводит этот довод из тени – но только во внутренней переписке; обращение же Вологодского по поводу неправильного установления прибыльности отвергается по формальным основаниям (отсутствие у плательщика права обсуждать этот вопрос). И только министерство, которое ведь тоже имело возможность ограничиться тем же самым формальным ответом, главным доводом выставило поведение мукомолов во время кризиса. Почему же местные чиновники при общении с плательщиком маскировали

²⁶⁰ Там же. Л. 227–227 об.

²⁶¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549. Л. 224 об.

этот козырь? Ясно, что они понимали его юридическую несостоятельность: нельзя повышать налог лишь потому, что деньги заработаны «нечестно». Затаив досаду на предпринимателя, они искали формальных оснований, чтобы насолить ему, и нашли. Столичные чиновники оказались более смелыми и не постеснялись дать понять плательщику, что корень его бед лежит за пределами фискальных инструкций. При этом они прошли по краю допустимого: повышение цен в неурожайную годину выставлялось как свидетельство повышенного дохода; моральная же неприемлемость этого действия (которая и составляла действительную причину) показывалась лишь намёком.

История безуспешной борьбы Фуксмана в 1913 г. за снижение податного бремени показывает нам ограниченность возможностей плательщика бороться против производа податного присутствия. Стоит помнить, что речь идёт о промысловом налоге с его «презумпцией виновности» (которой не будет в налоге подоходном). Надо учесть ещё и то, что случай Фуксмана крайне неблагоприятен по внешним обстоятельствам: общественное мнение было уверено, что он наживался на голодном годе. Чиновники и выборные члены присутствия выступали единым фронтом и на уровне уезда, и на уровне губернии; и даже на уровне министерства фактор справедливости учитывался как весьма важный. Как минимум, при таком сочетании обстоятельств податной надзор имел возможность наказать купца чрезмерным налогом, погрешив при этом против логики, но не против юридической правильности.